

Годъ

седьмой.

ВЛАДВОСТОКСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Цѣна годовому
изданію съ до-
станкою и пере-
сылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка при-
нимается въ ре-
дакціи „Вѣдо-
моостей“ по Се-
минарской ул.

№

4.

29 февраля

1900 года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Извѣстіе по Владивостокской епархіи.

Извѣстіе по Владивостокской Епархіи.

Указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Преосвященному Евсеію, Епископу Владивостокскому и Камчатскому.

По указу Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали докладъ Синодальной Канцеляріи (по II отдѣленію), слѣдующаго содержания: Ваше Преосвященство, въ виду малопомѣстительности единственной въ городѣ Владивостокѣ православной церкви, служащей вмѣстѣ съ тѣмъ и кафедральнымъ соборомъ, и за неимѣніемъ мѣстныхъ средствъ на постройку въ семъ городѣ новаго соборнаго храма, соотвѣтствующаго значенію православія на

далекой окраинѣ Россіи и могущаго служить къ незамедлительному удовлетворенію церковно-религіозныхъ потребностей умножающагося съ каждымъ годомъ городского населенія, ходатайствовали объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на повсемѣстный, въ теченіе трехъ лѣтъ, 15 августа, кружечный по церквамъ Имперіи сборъ пожертвованій на сооруженіе въ городѣ Владивостокѣ новаго кафедральнаго собора съ тѣмъ, чтобы собранныя въ указанный день кружкою деньги были препровождаемы мѣстными Консисторіями во Владивостокскую Духовную Консисторію и чтобы, кромѣ того, Владивостокскому Епархіальному Начальству было предоставлено выдавать и рассылать пригласительные листы для сбора добродетельныхъ приношеній на постройку Владивостокскаго собора. Согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 11/23 августа 1899 года за № 3143, г. Синодальный Оберъ-Прокуроръ имѣлъ счастье испрашивать Высочайшее соизволеніе на повсемѣстный, въ 15-й день августа, трехлѣтній, съ 1900 года, сборъ пожертвованій на постройку въ городѣ Владивостокѣ новаго кафедральнаго собора на изъясненныхъ Вашимъ Преосвященствомъ основаніяхъ, и ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ на всеподданнѣйшемъ г. Оберъ-Прокурора докладѣ по сему предмету, въ 11 день сентября текущаго года благоугодно было Собственно-ручно начертать: „Согласенъ. Изъ Своихъ средствъ Я жертвую пять тысячъ руб.“ Предлагая о таковыхъ Высочайшихъ соизволеніи и пожертвованіи Святѣйшему Синоду, г. Оберъ-Прокуроръ присовокупляетъ, что имъ сдѣлано вмѣстѣ съ симъ распоряженіе къ напечатанію изъясненной Высочайшей резолюціи въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ и Правительственномъ Вѣстникѣ. Приказали: Объ изъясненныхъ Высочайшемъ соизволеніи и Всемилостивѣйшемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА пожертвованіи, для напечатанія во всеобщее извѣстіе, сообщить Правительствующему Сенату вѣдѣніемъ, а Ваше Преосвященство увѣдомить указомъ Ноября 5 дня 1899 года. Подлинный подписали: Оберъ-Секретарь *Ушаковъ* и Исп. об. Секретаря *М. Гордѣевъ*.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

29-го февраля

№ 4.

1900 года

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Общедоступное толкованіе посланія Апостола Павла къ Римлянамъ (*Продолженіе*).—Чудо св. Θεодосія Черниговскаго.—Благовѣніе къ святынѣ.—Объявленіе.

Общедоступное толкованіе посланія Апостола Павла къ Римлянамъ *).

(*Продолженіе*).

Ст. 19. Запс, разумное
Божіе явѣ есть въ нихъ:
Богъ бо явнѣ есть имъ.

20. Невидимая бо его
отъ созданія міра творен-
ми помыслима видима
суть, и приносящая си-
ла его и Божество, во еже
быти имъ безотвѣтнымъ.

21. Занеже разумѣвше
Бога, не яко Бога просла-
виша или благодарниша, но
осустишася помыслиеніи
своими, и омрачися нера-
зумное ихъ сердце:

22. Глаголющеоя быти
мудри, обтюродѣша,

23. И измѣниша славу
нетлѣннаго Бога въ подо-
біе образа тлѣнна человѣ-
ка и птицъ и четвероногъ
и гады.

19. Ибо, что можно знать
о Богѣ, явно для нихъ:
потому что Богъ явилъ
имъ.

20. Ибо невидимое Его,
вѣчная сила Его и Божес-
тво, отъ созданія міра
черезъ разсматриваніе тво-
реній видимы, такъ что
они безотвѣтны.

21. Поелику они, познавъ
Бога, не прославили Его,
какъ Бога, и не возбла-
годарили, но осуетились
въ умышленіяхъ своихъ,
и омрачилось несмыслен-
ное ихъ сердце;

22. Называя себя му-
дрыми, обезумѣли,

23. И славу нетлѣнна-
го Бога измѣнили въ об-
разъ подобный тлѣнному
человѣку, и птицамъ, и
четвероногимъ, и пресмы-
кающимся:

Всѣ эти пять стиховъ указываютъ, кратко и цолно опи-
сываютъ, «нечестіе» язычниковъ; три послѣдніе стиха (21, 22
и 23-й) историко-психологически опредѣляютъ тотъ путь,
коимъ язычники, потомки Адама и Евы, дошли до мерзкаго
идолопоклонства.

*) См. № 2 и 3 «Бл. Епар. Вѣд.»

Богъ «вложилъ въ человѣковъ при самомъ ихъ рожденіи» вѣдѣніи о Себѣ (Св. Іоаннъ Златоустъ); въ раю Богъ Самъ непосредственно училъ человѣка; по изгнаніи изъ рай, Богъ многократно посылалъ къ людямъ Ангеловъ и Святыхъ Своихъ для наученія ихъ; наконецъ, «Богъ сдѣлалъ то, что болѣе» всего, «болѣе самаго гласа могло привлечь... вниманіе» людей: «Онъ поставилъ предъ» людьми «Свое твореніе, котораго, чрезъ одно созерцаніе красоты всего видимаго, научало истинному боговѣдѣнію «и мудреца, и невѣжу, и Скиѣа, и варвара» (Св. Іоаннъ Златоустъ). Люди заглушили въ себѣ сердце, внутренній гласъ о Богѣ; люди забыли, предали забвенію, то, что должно бы, какъ самое священное, переходить во-вѣкъ изъ рода въ родъ; люди закрыли свои глаза, отвернулись отъ истины, видимой въ природѣ, — предалися «умствованіямъ», возгордѣли, и вмѣсто Бога истиннаго начали поклоняться богамъ ложнымъ, смѣшнымъ. «Тотъ кому повѣрена царская казна, и поручено издерживать оную для славы Царя, истратилъ ее на воровъ, блудницъ и чародѣевъ, держа ихъ пышно на царскія деньги» (Св. Іоаннъ Златоустъ); о, человѣкъ! безотвѣтенъ ты предъ Богомъ, такъ много взыскавшимъ тебя!!...

Язычники «содержали истину въ неправдѣ» (кон. 18-го стиха), потому что они знали истину, но не исполняли ее, — заглушая въ себѣ все доброе, уклонились отъ нея. Содержащій истину въ неправдѣ дѣлаетъ, по еп. Теофану, тоже, «какъ если бы кто взялъ царскую дочь и отдалъ ее въ блуднице, или бы царскую порфиру драгоценную затопталъ въ грязь».

«Разумное Божіе», т. е. все, что только можно знать человѣческимъ разумомъ и сердцемъ о Богѣ, «явѣ» совершенно ясно, «въ нихъ», для нихъ, для язычниковъ: «Когда что предъ глазами находится, то оно неотразимо видится, и пока не открытъ глазъ. Такъ Богъ неотразимо зрится душею. Глазъ тѣлесный можно закрыть, а душевнаго нельзя закрыть, онъ постоянно смотритъ» (еп. Теофанъ).

Богъ «явилъ», открылъ, сдѣлалъ извѣстнымъ и яснымъ, людямъ Себя, — но люди забыли Его. Пусть человекъ, это еще понятно, не услышалъ того, что ему говорить о Богѣ душа: шумъ, хлопоты и заботы житейскія помѣшали! Пусть человекъ, это тоже понятно, покрылъ сомнѣніемъ или не получилъ то преданіе о Богѣ, которое шло отъ лица Самаго Творца; но какъ, это всего труднѣе объяснить, человекъ не понялъ ту дивную книгу, которую Богъ раскрылъ предъ нимъ, книгу природы: ее «нельзя не читать, ибо она всегда предъ глазами», а въ ней «преднаписалъ Себя» Богъ, въ ней Богъ «явилъ» Себя «взору всѣхъ» (еп. Теофанъ)?

Для нашего внѣшняго глаза «въ Богѣ все невидимо — и божеское естество Его, и божественныя свойства Его, ... и самыя дѣйствія Его... Пророкъ говоритъ: «рече и быша» (твореніе міра), но это «рече» не слышно для слуха чьего — либо, — это — внутреннее опредѣленіе воли Божіей... Тварь... явилась. Явленіе сіе видѣлъ бы ты, а самое опредѣленіе Божіе не видѣлъ бы и не слышалъ» (еп. Теофанъ). Бога и Его свойства видѣть внѣшнимъ глазомъ нельзя; внѣшній нашъ глазъ видитъ лишь проявленія во внѣ божественныхъ свойствъ Творца. Внутренній глазъ человека, умъ человека, видитъ Бога и Его свойства, «пока онъ (умъ человѣческій) не обуялъ: слѣдъ бытія Своего, Своихъ божественныхъ свойствъ и присносущной силы Своей отпечатлѣлъ Богъ ясно на твореніи своемъ. Не закрывай только очей ума, и не скашивай ихъ, и будешь видѣть» Бога, и по слѣдамъ познаешь Творца и Промыслителя.

«Какъ на снѣгу оставленный слѣдъ ясно показываетъ, кто проходилъ, человекъ или звѣрь; такъ ясно отпечатлѣнъ слѣдъ Божій на твореніи, общій ли сдѣлаешь ему обзоръ, или вникнешь въ каждую тварь особо» (еп. Теофанъ). «Ужели не слышали, спрашиваетъ св. Златоустъ язычниковъ, гласа небесъ, говорящихъ взору? стройной во всемъ гармоніи, звучащей громогласнѣе трубы?» Ужели «не видали уставовъ дня

и ночи», уставовъ неизмѣнныхъ? «твердаго и непоколебимаго порядка» время года? «моря, не выступающаго изъ своихъ предѣловъ среди волнованій и бурь?» Ужели «не примѣтили, какъ все пребываетъ въ своемъ чинѣ, какъ все своею красотою и величіемъ возвѣщаетъ Творца?»*) Природа «даетъ намъ ясно разумѣть, что Богъ есть Творецъ всего и что Онъ премудро управляетъ кормиломъ твари» (благ. Θεодоритъ). Возьмешь ли весь видимый міръ въ совокупности, восхвалишь Бога, видя эту «огромнѣйшую, многосложнѣйшую, премудро устроенную, неподвижно стоящую и живо движущуюся въ себѣ, машину» (Еп. Θεοφάνης); «возьмешь ли слѣзю, возьмешь ли цвѣтокъ,.. крыло насекомаго,.. глазъ», — «не удивишься премудрости» и благодати Творца (Еп. Θεοφάνης). «Богъ великъ въ небесахъ и въ былинкахъ на земли!.. Только осуетившіеся въ помысленіяхъ своихъ», только погружившіеся въ пустые и низкіе интересы жизни, предавшіеся плотугодію и гордости — могутъ не видѣть Бога въ Его твореніяхъ» (Еп. Никаноръ). Природа — зеркало Божіе, откровеніе Божества....

Если язычники, имѣя въ душѣ своей врожденную идею о Богѣ, имѣя преданіе о Богѣ, исходящее отъ Бога, наконецъ, имѣя естественное богооткровеніе, не познали Бога, — они «безотвѣтны» (см. кон. стиха 20-го). «Невидимое Его», т. е. невидимыя существо и свойства Божіи, «вѣчную (безначальную) силу» Бога, истинное «Божество» нашего Бога (Онъ Богъ, а не богъ), все это легко можно познать человѣку и безъ особаго, сверхъестественнаго, откровенія; «недостойны извиненія («безотвѣтны») имѣющіе столь строгихъ (и многихъ) учителей (весь видимый міръ, совѣтъ, преданіе) и не извлекающіе никакой пользы изъ столькихъ уроковъ.... Такіе не имѣютъ никакого оправданія къ освобожденію отъ угрожающихъ имъ зомъ» (благ. Θεодоритъ). Богъ «все сдѣлалъ» для того, чтобы люди познали Его; не познавъ Бога, люди «въ

*) Св. Златоустъ.

оправданіе себя ничего представить не могут», -- сами виноваты и виноваты безотвѣтно (Еп. Теофанъ); «содѣлавшись... неблагодарными», не уразумѣвъ многихъ уроковъ Божіихъ, «они люди) сами себя лишили всякаго извиненія» (Св. Іоаннъ Златоустъ) .

Какъ мы сказали выше, 21-й, 22-й и 23-й стихи — историко — психологическое описаніе ниспаденія людей до мерзкаго идолопоклонства. «Идолопоклонство не первоначальная религія,.... а есть плодъ ниспаденія съ высоты истинной религіи, по развращенію сердець и умовъ» (Еп. Теофанъ); первоначальная религія — религія райская, религія истинная; люди «подавили истину неправдою» своею, — люди, познавши Бога», сами уклонились отъ истины.

Преосв. Теофанъ указываетъ, согласно 21 — 23-му стихамъ, пять степеней ниспаденія людей до идолопоклонства. Первая степень ниспаденія — богозабвеніе; Богъ забытъ; «помышленіе о Немъ когда — когда впадетъ на умъ.... Богъ превращается въ ничто мысленное»; Онъ уже не управляетъ всѣми движеніями человѣка; человѣкъ уже не прославляетъ*), уже не благодаритъ**) Бога сердцемъ, имѣетъ Его лишь на устахъ; человѣкъ не имѣетъ о Богѣ «достойныхъ Его мыслей» (блаж. Теодоритъ): «не яко Бога прославиша» Его «или благодариша» (Римл. I, 21, нач.).

Вторая степень ниспаденія***) — «преданіе себя заботамъ о благахъ земныхъ»; все для такихъ людей «земля, земля и земля»; о Богѣ забыли и погрузились въ исканіе земнаго; ищутъ они счастья и не обрѣтаютъ его, мнутъ, копаютъ себѣ «кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содер-

*) «Прославлять» Бога значитъ исповѣдывать Его совершенства, значитъ благоговѣть предъ Нимъ, любить и поклоняться Ему.

**) «Благодарить»: Бога значитъ все доброе почитать Его даромъ, значитъ посвящать Ему всю жизнь свою.

***) Эта степень ниспаденія образуется вмѣстѣ съ первою; обѣ эти степени «взаимнопроизводительны и взаимноподдержательны» (Еп. Теофанъ).

жати» (Иерем. II; 13): «осуетишася помышленія свои» (Римл. I, 21). Третья степень ниспаденія — «плодъ двухъ первыхъ — омраченіе внутренняго чловѣка», сердца, духа, всего чловѣка. Чловѣкъ «весь во вѣ»; совѣтъ заглушенъ, молчитъ; правила жизни низки, грѣховны: «омрачися (мракъ тамъ!) неразумное сердце» (Римл. I, 21; кон.). Четвертая степень ниспаденія — «верхъ безумія» — «подводеніе всего... превратнаго порядка жизни» своей «подъ начала разума», разумности, считаніе своей жизни единою разумною, «должной нормою жизни» чловѣка; это, по Экуменію, полаганіе, что насъ самихъ достанетъ на все, что нашъ умъ совершенъ; это, по Св. Исааку Сирину, «голое вѣдѣніе, исключющее всякое Божественное попеченіе» о мірѣ, о чловѣкѣ; это — самонадѣянность неразумная; боготвореніе себя: «радолющеся быти мудри, обьюродѣши» (Римл. I, 22). Пятая, и послѣдняя, степень ниспаденія отъ истиннаго Боговѣдѣнія къ идолопоклонству — самоидолопоклонство; результатъ всего, предыдущаго, то, къ чему приводитъ путь грѣшниковъ. Люди измѣняютъ, перемѣняютъ, истиннаго Бога на истукановъ чловѣка, птицъ, четвероногихъ животныхъ, гадовъ; «въ этомъ собственно» и состоитъ ихъ «обьюродѣніе», явное безуміе, обличающее все ихъ прошлое (Римл. I, 23)*)...

Св. Іоаннъ Златоустъ указываетъ четыре вины язычниковъ: «первая вина, что не нашли Бога; вторая, что не нашли, имѣя къ тому сильныя и очевидныя средства; третья, что не нашли, называя себя мудрыми (заумствовались, возгордились); чет-

*) Въ 23-мъ стихѣ сказано, что люди «измѣнили» славу истиннаго Бога; «измѣнили», значитъ, «прежде нежели измѣнили имѣли у себя нѣчто другое» (Св. Іоаннъ Златоустъ); «измѣнивъ, впали въ ложь... значитъ, прежде обладали истиною» (еп. Теофанъ; см. стихи 19—20-й). Язычники бросили «славу нетлѣннаго Бога»; «слава Бога» — Его всесовершенства. Его свойства величайшія; «нетлѣннымъ» истинный Богъ названъ въ противоположность богамъ языческимъ: истинный Богъ — вѣченъ, безсмертенъ, духовенъ, невестественъ, невидимъ.

вертая, что не только не пансла» Бога истиннаго, «но и честь, принадлежащую Богу, воздали демонамъ, камнямъ, деревьямъ» («ежели измѣнить», бросить, «только славу Божию само по себѣ чрезвычайно смѣшно; то измѣнить въ такія вещи совершенно неизвинительно»: тамъ «Богъ, Который всего выше», здѣсь «гады», ниже того — «подобія гадовъ», которыя «ниже всего»; тамъ Богъ, Существо, «безъ сравненія все превосходящее», здѣсь — «предметъ, безъ сравненія всего презрѣннѣйшій», мертвый, неодушевленный; Св. Іоаннъ Златоустъ).

Св. Іоаннъ Златоустъ указываетъ двѣ главныя причины ниспаденія людей до идолопоклонства, — умствования и гордость; люди «положились на свои умствования, «мечтая о себѣ много,.... не восхотѣли идти путемъ», указаннымъ Богомъ, и... «погрязли въ помыслахъ неразумія». «Кто въ безлунную ночь, говоритъ св. Златоустъ, пускается идти неизвѣстною дорогою, или плыть по морю, тотъ не только не достигаетъ цѣли, но чаще губить себя. Такъ и язычники подвергшись ужаснѣйшему кораблекрушенію, когда, предпринявъ идти путемъ ведущимъ къ небу, лишили самихъ себя свѣта, и вмѣсто онаго предались тьмѣ умствованій» горделивыхъ... Язычники отпали отъ Бога истиннаго, а діаволъ «натѣнулъ» ихъ на идоловъ, боговъ ложныхъ и смѣшныхъ»). (еп. Теофанъ).

И такъ, стихи 19—23-й первой главы посланія Ап. Павла къ Римлянамъ — обличеніе язычниковъ въ «нечестіи», въ неправой вѣрѣ; язычники знали Бога истиннаго, могли усовершенить свои св. знанія, но они предали забвенію свои св. знанія, заумствовались, возгордились и дошли до идоловъ. Стихи 24—31-й — обличеніе язычниковъ въ «неправдѣ», въ грѣховной жизни, которая всегда сопутствуетъ «нечестію».

*) Ап. Павелъ въ стихѣ 23-мъ указываетъ язычникомъ, боготворившихъ истукановъ человека (греки), истукановъ птицъ, животныхъ, гадовъ (египтяне). Апостоль здѣсь не указываетъ всѣхъ видовъ идолопоклонства, а говоритъ до какой мерзости язычники, люди, могли ниспадать.

Ст. 24. Тѣмже и предаде ихъ Богъ въ похотехъ сердець ихъ въ нечистоту, во еже сквернитися тѣлесемъ ихъ въ себѣ самѣхъ:

25. Иже премѣниша истину Божию во лжу, и почтоша и послужина твари паче Творца, иже есть благословенъ во вѣки. Аминь.

26. Сего ради предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія: и жены бо ихъ измѣниша естественную подобу въ пресестественную:

27. Такожде и мужи, оставльше естественную подобу женска пола, разжегашася похотію своею другъ на друга, мужи на мужехъ студь содѣвающе, и возмездіе, еже подобаніе прелести ихъ, въ себѣ воспріемлюще.

28. И якоже не искусна имѣти Бога въ разумѣ, (сего ради) предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная.

29. Исполненыхъ всякіи неправды, блуженія, лукавства, лихоиманія, злобы: исполненыхъ зависти, убійства, рвенія, лести, злоправія:

30. Шепотники, клеветники, богомерзки, досадители, величавы, горды, обрѣтатели злыхъ, родителемъ непокоривы,

31. Неразумны, непримирительны, нелюбовны, неклятвохранительны, немилостивы.

24. Потому и предалъ ихъ Богъ, въ похотяхъ сердець ихъ, нечистотѣ, такъ что они сквернили сами свои тѣла.

25. Они замѣнили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вмѣсто Творца, который благословенъ во вѣки, аминь.

26. Потому предалъ ихъ Богъ постыднымъ страстямъ: женщины ихъ замѣнили естественное употребленіе противуестественнымъ;

27. Подобно и мужчины, оставивъ естественное употребленіе женскаго пола, разжигались похотію другъ на друга, мужчины на мужчинахъ дѣлали срамъ, и получая въ самихъ себѣ должное возмездіе за свое заблужденіе.

28. И какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ, то предалъ ихъ Богъ превратному уму, дѣлать неотребствя.

29. Такъ что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, исполнены зависти, убійства, распрей, обмана, злоправія,

30. Злорѣчивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобрѣтательны на зло, непослушны родителямъ,

31. Безразсудны, вѣроломны, нелюбовны, непримирительны, немилостивы.

Всѣ эти восемь стиховъ указываютъ «неправду» язычниковъ, ихъ худую жизнь, ихъ злые нравы. За «нечестіемъ», за богозабвеніемъ, всегда слѣдуетъ, какъ прямое и естественное слѣдствіе за причиной, «неправда», безправственность; «когда Богъ оставляетъ», говоритъ св. Златоустъ, — а это бываетъ тогда, когда человекъ Бога забываетъ, оставляетъ, — «тогда

все», вся жизнь человека, «приходитъ въ безпорядокъ. По-
сему у язычниковъ не только ученіе было сатанинское, но
и жизнь дѣвольская». «Нечестіе» есть, говоритъ въ другомъ
мѣстѣ св. Іоаннъ Златоустъ, «причина нарушенія законовъ»,
«развратъ—воздаяніе за беззаконіе», за «нечестивое ученіе».
«Когда люди отвергають страхъ Божій, говоритъ въ третьемъ
мѣстѣ св. Златоустъ, тогда оставляетъ ихъ все доброе... По-
елику умъ» язычниковъ «сталъ превратенъ; то у неисправна-
го вѣдока все пришло въ безпорядокъ и смятеніе». «Беззаконіе»,
безправственная жизнь, у язычниковъ «соотвѣтствовало
злочестію», неправой вѣрѣ ихъ (блаж. Теодоритъ); «поелику» язы-
чники «отреклись Творца, то совершенно лишились Его промысле-
нія; а потому не боязненно отважились на пороки разнаго ро-
да» (блаж. Теофилактъ). «За что .преданы» *) язычники «не-

*) Въ стихѣ 24-мъ, 26 и 28-мъ Апост. Павелъ пишетъ, что
Богъ «предаде» язычниковъ нечистотѣ, страстямъ, «творити неподоб-
ная»; «предаде»—попустилъ, допустилъ, но не насильно отдалъ; бро-
силъ. Человѣку дарована свободная воля; Богъ, попустивъ правствен-
ное развращеніе язычниковъ, поступилъ подобно Евангельскому от-
цу, отпустившему своего блуднаго сына «на страну далече»: сынъ
наследилъ «отъ рожець, яже ядоху свинія» и вернулся въ домъ
отчій (Лк. XV, 11—32); «не стать же,—говоритъ Оригенъ,—вле-
щи» человека «насильно къ тому, что онъ отвергаетъ и отъ че-
го бѣжитъ.... Представимъ себѣ жилище, гдѣ съ тѣломъ и духомъ,
какъ съ какими—либо совѣтниками и сообщниками, обитаетъ ду-
ша; внѣ же сего жилища стоятъ съ одной стороны (со стороны
духа) благочестіе и всѣ добродѣтели съ нимъ, а съ другой (со
стороны тѣла)—нечестіе и всѣ виды похотей и грѣховъ плот-
скихъ,—стоятъ и ждутъ мановенія души», къ которому хору она
склоняется, который хоръ она введетъ къ себѣ, который отгонитъ;
введетъ «хоръ благочестія и чистоты», хоръ нечестія, «презрѣн-
ный и отверженный», отступитъ; введетъ «къ себѣ толпу нечестія и
похотей», отступитъ отъ нея благочестія и правда.

«Слово «предаде» значитъ.. попустилъ,» —говоритъ св. Іоаннъ
Златоустъ. «Какъ предводитель воинства, оставивъ» навремя на-
чальство и удалившись съ поля битвы, «предаетъ воиновъ вра-
гамъ, не чрезъ содѣйствіе свое, но тѣмъ, что лишаетъ своей по-

«истотѣ»? спрашивает тот же блаженный отецъ. «За то, что оскорбили Бога, ибо кто не хочет знать Бога, тот тотчасъ развращается и въ нравственности, какъ и Давидъ говоритъ: «рече безуменъ: иѣсть Богъ», — потомъ «раствѣша и омерзишася въ начинаніихъ» (Псал. XIII, 1.)»

Итакъ, «источникъ... нравственнаго развращенія» язычниковъ (и всѣхъ людей) одинъ — «забвеніе Бога и извращеніе истинныхъ о Немъ понятій»; «нравственное униженіе... слѣдствіе... нечестія»; «съ потерю и извращеніемъ вѣры и благочестія идутъ въ рядъ извращеніе должнаго характера жизни и потеря добрыхъ нравовъ» (еп. Теофанъ). «Умъ, воѣ, — прекрасно описываетъ Теофанъ — затворникъ, — владычественная сила, тоже что духъ — отражатель Богоподобія, вдухнутый въ лице человѣка. Въ немъ укоренены чувства Божества и правды Его, или страхъ Божій и совѣсть. Страхъ Божій держится истиннымъ Боговѣдѣніемъ и памятію о Богѣ и, оживляетъ совѣсть — вѣдѣніе воли Божіей, и сообщаетъ ей энергію. Когда память о Богѣ выходитъ изъ ума, — и Боговѣдѣніе омрачается ложью; страхъ Божій слабѣетъ, а отъ ослабленія страха Божія слабѣетъ и совѣсть... Чувственность возвышаетъ голосъ и увлекаетъ въ слѣдъ себя. Совѣсть возстаётъ сначала, но ее не слушаютъ, а заставитъ себя

моци», — такъ и Богъ, употребивъ «съ Своей стороны все, что было можно», оставляетъ отпадшихъ. «Если царскій сынъ, — продолжаетъ св. Златоустъ, — къ безчестію отца начнетъ жить съ ворами, убійцами, грабителями мертвыхъ», то отецъ разумно сдѣлаетъ, если, послѣ многихъ увѣщаній, оставитъ его: сынъ опытно убѣдится «въ непомерной своей глупости».

Блаж. Оеодоритъ говоритъ: «предаде» — попустилъ. Люди забыли Бога и Богъ «пустилъ имъ посылаться, подобно неоснащенной ладѣ», безъ Своего промысленія. «Когда дитя, — пишетъ еп. Оеофанъ, — на рукахъ матери рвется отъ ней, болтая и руками, и ногами, то мать» хорошо дѣлаетъ, когда спускаетъ ребенка съ рукъ своихъ; «рванулись» люди изъ объятій Бога, Богъ «предалъ ихъ (послѣ многихъ назиданій) возжеланной ими жизни».

слушать она не имѣетъ силы, по причинѣ отсутствія страха Божія, въ коемъ ея жизнь. Она потомъ и смолкаетъ. Въмѣсто ея начинаетъ писать законы чувственность, руководимая самостію. И попили всякія неподобія: «Есть законы правды Божіей—естественные, которые караютъ виновныхъ по естественному теченію дѣлъ.: разстройство здоровья отъ пьянства есть наказаніе за пьянство, естественнымъ путемъ постигающее. Шель бы кто по твердой дорогѣ, окруженной трясинною. Если онъ самъ соступитъ съ твердой дороги, то погрузится въ трясину самъ же собою, безъ воздѣйствія на его погруженіе сторонняго лица». Кто соступитъ съ твердой дороги, съ правой вѣры въ Бога, тотъ самъ собою погрузится въ болото грѣховной жизни; «за ослабленіемъ вѣры и благочестія» всегда слѣдовало и слѣдуетъ (и всегда будетъ слѣдовать) развліяніе (напримѣръ) блуда, въ разныхъ перѣдко самыхъ срамныхъ видахъ.» «Кто о скалу ударяетъ лбомъ, чтобы раздробить ее, не скалъ вредитъ, а свою голову разбиваетъ.» Такъ и печествующіе въ своихъ мудрованіяхъ противъ Бога, не Божию умаляютъ славу (Онъ «благословенъ во вѣки»), а себя самихъ губятъ» (еписк. Теофанъ.)

Стихъ 24-й. Богъ попустилъ язычниковъ впасть «въ похотехъ сердець ихъ въ нечистоту», въ плотскіе срамные грѣхи; это «преданіе» язычниковъ плотскому грѣху не поудительное столкновеніе ихъ въ грѣхъ, а поущеніе, дозволеніе, язычникамъ «низринуться туда», въ грѣховную нечистоту, «потому что сами они» глубоко «воспохотствовали того» потому что сами они всѣмъ сердцемъ, вседушно, «возжелали» и «предались» плотскому сластолюбію (еп. Теофанъ); всѣ стремленія сердца у язычниковъ были направлены ко грѣху: они жили «въ похотехъ сердець», во грѣховныхъ желаніяхъ сердца своего!... «Преданіе язычниковъ въ похотяхъ сердець ихъ въ нечистоту можно назвать наказаніемъ естественнымъ» (сами виноваты, сама себя низринули!), а «какъ законы естества отъ Бога,—Божіимъ наказаніемъ» (еп. Теофанъ).

Язычники сами сквернили свои тѣла, ибо они служили чувственности, служили похотѣнію, обезумѣли въ плотскомъ невоздержаніи, занимались онанизмомъ, мужеложствомъ и т. д. противуестественными дѣяніями. «Плотское возбужденіе, — скажемъ словами Еп. Теофана, — само по себѣ ничего грѣшнаго не имѣетъ. Оно дано вмѣсто проводника къ дѣторожденію, для распространенія и сохраненія рода», оно «въ естественномъ порядкѣ престаётъ вмѣстѣ съ исполненіемъ сего назначенія животнаго организма. . . Потребность не можетъ непрестанно дѣйствовать, а только когда возбуждается, и бывъ удовлетворена, престаётъ. Похотѣніе», въ коемъ, и грѣшны были язычники, «какъ дѣло души, всегда дѣятельной, можетъ возвращаться (и возвращается) поминутно и тревожить душу»... Человѣкъ «безъ разбора бросается на всякаго рода тѣла, лишь бы сласть была»; похотѣніе, — это «одуреніе похотію», «похотная манія». Язычники были рабами похоти, всецѣло погрязли въ похотѣніи; они отринули естественное соединеніе мушны съ женщиной, предались онанизму^{*)} (сквернили тѣлеса свои «въ себѣ самѣхъ» и мужеложству; стихи 26 и 27-й)....

Въ стихѣ 25-мъ Ап. Павелъ, — это онъ дѣлаетъ довольно часто, тогда, когда желаетъ на что либо обратить особое вниманіе читателей, — въ стихѣ 25-мъ Ап. Павелъ опять указываетъ причину грѣховной жизни язычниковъ: они «перемѣнили» истину на ложь, они бросили истину («перемѣнили» — перемѣнили, а мѣнять можно имѣющееся; т. е. язычники знали раньше истиннаго Бога, но покинули Его^{**)} и воздали

*) «Язычники, говоритъ блаж. Теофилактъ, предались нечистотѣ собственнымъ непотребствомъ, такъ что не было надобности въ другихъ, которые бы оскорбляли ихъ, но они сами себѣ причиняли оскорбленіе».

***) Язычники «истину о Богѣ, что Онъ есть Духъ, вѣчно живой, невидимый, нетѣльный, замѣнили ложью, начавъ думать, что рукотворенный идолъ или другая какая тварь есть Богъ» (Еп. Теофанъ, Экуменій). Блаж. Теодоритъ пишетъ: «истиною Божіею» называетъ Апостоль имя: Богъ, а ложью рукотвореннаго идола».

честь твари вмѣсто Творца (Παρά του κτίσαντα); за сіе, прямое слѣдствіе сего, — низриновленіе въ грѣховную жизнь. Тварь стала у язычниковъ настоящимъ Богомъ; язычники почитали идоловъ, воздавали имъ божескую честь, поклоненіе, служили идоламъ «дѣлами» (блаж. Теофилактъ); «нечестіе» у нихъ было не внѣшнее только, но и внутреннее», отъ сердца, глубокое (еп. Теофанъ)....

Язычники почитали словами и дѣлали тварь, идола, «паче Творца», истиннаго Бога; это значить, что язычники тварь почтили и вмѣсто Творца, и больше Творца («паче»); «замѣть, — пишетъ св. Златоустъ, — какъ онъ», Ап. Павелъ, «выразилъ мысль свою. Сказалъ не просто: «послужиша твари»: но присовокупивъ: «паче Творца», дабы сколько можно, увеличить вину язычниковъ, и такимъ присовокупленіемъ лишить ихъ всякаго извиненія»; «прежде, — говорятъ, поясняя слова св. Златоуста, еп. Теофанъ, — когда слѣдовали истинѣ, Творцу, Богу истинному такъ» они «не служили» усердно, «какъ теперь служатъ твари».....

Зачѣмъ св. Павелъ, послѣ многихъ рѣчей объ языческомъ нечестіи и объ ихъ неправдѣ, вдругъ восклицаетъ, «благословенъ» Богъ «во вѣки, аминь»?.. Три объясненія даетъ сему еп. Теофанъ (св. Златоустъ одно, третье и лучшее). Первое; къ воспоминанію о Богѣ Апостоль неупорно влекутся приложить славословіе Богу. Второе; Апостоль, осквернивъ духъ свой «воспоминаніемъ о нечестіи» и о неправдѣ язычниковъ, снѣшить очиститъ и осятвтъ себя прославленіемъ Бога истиннаго; какъ комнату, въ которую «привлечетъ» что — либо зловонное, провѣтриваютъ свѣжимъ воздухомъ, такъ и Ап. Павелъ, славословія Бога, провѣтриваетъ свой духъ. Третье; славословія Бога, Апостоль говоритъ, что все нечестіе и вся неправда язычниковъ нисколько не повредили славы Божіей; «если язычники. . оскорбляли Бога, то Онъ не оскорблялся, слава Его не умалилась» (св. Іоаннъ Златоустъ). «Если бы тебѣ нанесено было оскорбленіе собственнымъ тво-

имъ дѣтищемъ;... скажи мнѣ: ужели бы ты оскорбился, твои достоинства умалились бы?.. Если и любомудрый человекъ часто не оскорбляется обидами», ибо «обижающій другаго глупѣе ребенка», «то колыми паче Богъ, существо безсмертное и неизмѣняемое, слава непреходящая и непремѣняемая»... Никто никогда не видѣлъ, «чтобы ударенный адамантъ самъ ударилъ», «отроки не опалились въ печи», «Даніиль во рвѣ» львиномъ «не потерпѣлъ никакого зла» (св. Златоустъ). «Богъ всегда пребываетъ Богомъ, благословеннымъ во вѣки, какія лжи ни слетали бы... въ отношеніи къ Нему» (св. Теофанъ); Богъ «всегда остается препрославленнымъ, а несчастующіе погибаютъ въ своихъ мудрствованіяхъ и безсладятъ себя» (св. Никаноръ).

Стихи 26, 27, 29 — 31-й рисуютъ самую мрачную картину языческой «неправды», всѣ ихъ «постыдныя страсти», величайшія «непотребства».

Богъ попустилъ язычниковъ впасть въ самые безобразныя грѣхи плоти: язычники измѣнили, перемѣнили естественное сожитіе съ лицомъ иного пола на противуестественное сожитіе съ лицомъ того-же пола. Про замѣну у мужчинъ Ап. Павелъ говоритъ очень ясно, про замѣну у женщинъ — весьма неявно; «между женщинами происходило нѣчто непонятное... Удовлетвореніе плотскаго возбужденія чрезъ законнаго мужа — естественная подоба», употребленіе; «противоестественная подоба»; употребленіе, — нѣчто, «что — то другое», совершаемое помимо, вопреки, природѣ (св. Теофанъ). «Выказавъ прикровенно о женщинахъ нѣчто постыдное, — пишетъ блж. Теофилактъ, — и такое, что непристойно высказать ясно», о мужчинахъ св. Павелъ говоритъ яснѣе. По св. Теофану, грѣхъ женщинъ былъ тотъ же, что и мужчинъ; «какое — то удовлетвореніе похоти у женщинъ чрезъ женщинъ» (онанизмъ и, такъ сказать, женоложество).

«Измѣнять можетъ только имѣющій», — говоритъ св. Златоустъ («жены: измѣниша» естественное въ противуестествен-

ное, «мужи оставльше», замѣниша, естественное тоже на противное естеству). Язычники извратили самыя основныя и естественныя отношенія половъ, не захотѣли того, что разрѣшено, сообразно съ природой, «содѣлались... подлѣе» рода скотскаго, содомлянами, — изобрѣли «соитія», которыхъ «надлежало стыдиться», неизвинительныя (св. Златоустъ). «Какъ часто многіе *), — поясняетъ Златоустъ, — потерявъ позывъ на обыкновенную пищу, ѣдятъ землю и мелкіе камни; иные же, томимъ сильною жаждою, рады пить грязную воду; такъ язычники воскипѣли... беззаконною любовію», «предались... неистовой любви» (блаж. Теофилактъ). Это незаконное, позорное «соитіе» — крайняя порча язычниковъ, ихъ жизни!... «Законное употребленіе пожеланія» жены они «обратили въ беззаконное» (блаж. Теодоритъ), «естественное удовольствіе (которое всего удобнѣе и пріятнѣе)» они оставили, «удовольствію противоположенному (которое всего затруднительнѣе и непріятнѣе)» они предались (блаж. Теофилактъ и еп. Теофанъ). Онанизмъ и, главное, жеположество и мужеложество св. Іоаннъ Златоустъ почитаетъ худшимъ блуда; «соитіе съ блудницами, — говоритъ онъ, — хотя незаконно, но естественно», а сіе, вышеуказанное, «и противозаконно и противоестественно»; таковой, вышеуказанный, грѣшникъ «поругался» надъ обоими полами, въ чуждое естество не измѣнился и своего естества не соблюлъ: онъ хуже убійцы!... Пять браней, по Златоусту, въ тѣхъ язычникахъ: 1) одинъ полъ воюетъ съ другимъ, мужчины съ женщинами во враждѣ; 2) мужчина воюетъ съ женщиной; 3) женщина съ мужчиной; 4) муцна воюетъ съ муцной и 5) женщина съ женщиной (поруганіе природы); «такъ бываетъ въ военной суматохѣ ночью!» «О люди, — восклицаетъ Златоустъ, — бессмысленнѣйшіе безсловесныхъ, безстыднѣйшіе собакъ! и у тѣхъ не бываетъ такого соитія»...

Въ стихѣ 27-мъ Ап. Павелъ еще такое дѣлаетъ психо-

*) По нашему, лучше бы сказать — «очень немногіе».

логическое поясненіе распутной жизни язычников: *) язычники—мужи «разжигались похотно другъ на друга», а даже не взаимно. Человѣкъ, страждущій похотною манією, какъ въ огнѣ горитъ; ему всегда хочется и хочется чего то новаго, онъ на всѣхъ смотритъ съ своей точки зрѣнія, мучается, ищетъ взаимности, — не получаетъ, страдаетъ, образъ Божій теряетъ; все это «отъ ненасытнаго вождельнія, которое не любить держаться въ надлежащихъ предѣлахъ» (св. Златоустъ).

Дабы кто не подумалъ, что постыдныя потребности язычниковъ лишь грѣхи мысли, помышленія, а не грѣхи дѣланія, Ап. Павелъ добавляетъ, что «мужи на мужехъ» срамъ сей содѣлывали; язычники сей грѣхъ «совершали... на самомъ дѣлѣ, и не просто совершали, но ревностію», съ усердіемъ (св. Златоустъ).

За попраніе святаго закона—должное возмездіе, наказаніе! Апостоль говоритъ, что язычники «въ самихъ себѣ» имѣли наказаніе за свои прегрѣшенія, за свои «прелести», заблужденія (Πλάγη). «При наказаніи обыкновенно бьютъ; а они», язычники, «безъ боя сами себя больше наказывали, чѣмъ бы истязалъ ихъ какой-нибудь злодѣй» (св. Теофанъ); наказаніе язычниковъ за отступленіе отъ Бога и за забвеніе Его заповѣдей—«въ этомъ самомъ срамѣ и въ этомъ самомъ самоуслажденіи» (блаж. Теофилактъ), въ той глубинѣ паденія, до которой писали грѣшники; это наказаніе многое, тяжкое,—такое, «къ которому не приговорилъ бы ихъ ни одинъ», самый строгій, врагъ—«судья» (блаж. Теодоритъ). «Не дивись,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—что они не чувствуютъ того, а улаждаются. Бѣшеные и страждущіе помѣнательствомъ ума, сами себя мучая и находясь въ жалкомъ положеніи, смѣются и забавляются тѣмъ, хотя другіе о нихъ плачутъ... Жестокость ихъ мученія видна изъ того, что

*) Апостоль говоритъ сіе о муштинахъ, но сіе же должно относить и къ женщинамъ, къ стиху 26-му.

они сами не знаютъ своего положенія, Не больнымъ должно судить объ ономъ, а здоровымъ... Ежели бы случилось мнѣ видѣть, что бѣжить нагой, вымаравшій все тѣло пометомъ и не стыдится, а напротивъ хвалится тѣмъ; то я не одобрилъ бы его; а напротивъ заплакалъ бы, что онъ не чувствуетъ стыда своего. . Если уличаютъ дѣвицу, что она тайно имѣетъ соитіе съ безсловесными животными, а она и послѣ того продолжаетъ тоже; то не» плакать ли должно о ней, о томъ, что она «даже» не могла «почувствовать» стыда, паденія своего...

Говоря, что язычники «сами въ себѣ» имѣютъ возмездіе за грѣхи, Ап. Павелъ еще, несомнѣнно, имѣетъ въ виду и мученія совѣсти грѣшника. Какъ бы низко ни палъ человѣкъ, самый ужасный преступникъ, хотя изрѣдка, но онъ (человѣкъ) пробуждается; человѣкъ—подобіе Божіе, и голосъ совѣсти по—временамъ терзаетъ грѣшника. «Царь, предающійся неприличнымъ для него забавамъ,... мучится въ душѣ помыслами и совѣстію, преслѣдующими его среди самыхъ удовольствій» (св. Златоустъ); величайшій грѣшникъ міра, предатель Богочеловѣка Іуда Искаріотъ, пробудился (но опять заснул!...)

Стихъ 28-й. Святый Павелъ еще разъ, третій разъ, напоминаетъ, что «неправда», безправственность, язычниковъ прямой плодъ ихъ «печестія», невѣрія въ Бога истиннаго: язычники Бога въ памяти («въ разумѣ») не имѣли и Богъ попустилъ извратиться ихъ уму.

Три степени правственнаго постепеннаго ниспаденія указываетъ Ап. Павелъ (въ стихахъ 24, 26 и 28-мъ): первая степень—преданіе «нечистотѣ», исполненіе пожеланій грѣховнаго сердца (ст. 24-й); вторая степень—преданіе себя страстямъ, полное увлеченіе грѣхомъ, плотью (ст. 26-й); третья, и самая низкая, ужасная, степень правственнаго ниспаденія съ богоподобной высоты—преданіе «въ неискусень умъ», твореніе неправды и беззаконій съ полнымъ сознаниемъ (ст. 28-й). «Наивысшая основа для ума и во-

ли» человека—мысль о Боге; кто теряет эту основу, тот естественно останавливается «на своемъ умѣ, какъ высшей основѣ» жизни; умъ человека—слабъ, и вотъ человекъ, обоготворивъ свой умъ, оправдываетъ то, чего оправдать нельзя... Язычники не сумѣли, «не старались, не поставляли... цѣлью своей жизни... того, ... чтобы помнить о Боге», познать Его («не искусна имѣти Бога въ разумѣ»): Богозабвеніе—причина «неискуснаго ума» (первое—грѣхъ, второе—наказаніе!). «По природѣ умъ вѣдаетъ, что добро и что зло, что право и что неправо»; оставляя Бога, человѣческій умъ становится «неискусенъ», т. е. онъ начинаетъ не умѣть различать истины отъ лжи, добра отъ зла, праваго отъ неправого; умъ склоняется къ желаніямъ плоти, «и только» и дѣлаетъ что «придумываетъ ложныя начала въ оправданіе неправостей жизни» грѣшника *) (еписк. Теофанъ).

Въ стихѣ 29-мъ Апостоль указываетъ нѣкоторые другіе пороки язычниковъ **); въ стихѣ 30 и 31-мъ онъ продолжаетъ указывать пороки язычниковъ, но не по порокамъ, а по порочнымъ людямъ. Дабы «не сказали язычники вопреки, что не всѣ они вышеупомянутымъ порокамъ», опанизму и мужеложству, «подвержены были и потому не всѣ достойны обвиненія» («Посланіе къ Римлянамъ», Архим. Ириней), Апостоль указываетъ другіе пороки язычниковъ...

Язычники «исполнены», наполнены, «всякія неправды», многообразныхъ прегрѣшеній; это усилие рѣчи. Язычники «достигли крайней степени всякаго порока» (бл. Теофилактъ), «неправдѣ ихъ не было мѣры, ни ограниченія, ни удержи» (еп. Теофанъ); язычники—сосуды, до краевъ наполненные зловонной жидкостью, многими грѣхами... Подъ «неправдою» и здѣсь должно

*) Здѣсь умъ не владыка, а рабъ,—подножка,—иллиный царь древности, котораго употребляли вмѣсто подножки (еп. Теофанъ).

***) Въ перечисленіи пороковъ (ст. 29—31) порядка мало; еп. Теофанъ полагаетъ, что Апостоль указываетъ пороки, самые распространенные среди Римлянъ.

разумѣть все «то, что прямо противоположно правдѣ» (блаж. Теодоритъ), худую жизнь. Епископъ Теофанъ допускаетъ *) и иное пониманіе «неправды» (въ стихѣ 29-мъ): «неправда» это «частный видъ неправаго дѣйствованія — несправедливость, нарушеніе правъ ближняго и должныхъ къ нему отношеній». Лучшее первое!..

«Сперва» Апостолъ «употребилъ общее наименованіе порока; а потомъ исчисляеть виды онаго» (св. Златоустъ). «Блужденіе» — нарушеніе брачныхъ обязательствъ и «сожителство безъ брака» (блаж. Теодоритъ), незаконное, хотя естественное, соитіе съ инымъ поломъ. «Лукавство» — «коварство противъ ближняго» (блаж. Теофилактъ), тайное подкапываніе подъ благо ближняго, злокозненность. «Лихоиманіе» — неправо добываніе чужихъ имѣній, умноженіе тѣсныхъ сокровищъ путями нечистыми, обманомъ, воровствомъ и т. п.; это — «болѣзнь душевная, причиняемая чрезмѣрнымъ похотѣніемъ большаго и большаго» (Генн. у Экум., см. еп. Теофана). «Злоба» — или «наклонность души къ худшему и помысль, устремленный ко вреду ближняго» (блаж. Теодоритъ), или злопамятство, месть, думаніе о томъ, какъ бы отплатить зломъ за зло (блаж. Теофилактъ и еп. Теофанъ). «Зависть» — терзаніе сердца по поводу успѣховъ другаго; страсть — «мучительная» (блаж. Теодоритъ и еп. Теофанъ); зависть — причина многихъ убійствъ (Кайнъ и Авель; Іосифъ и его братья; св. Іоаннъ Златоустъ). «Убійство» — лишеніе жизни ближняго; исканіе крови. «Рвеніе» **) — желаніе и стараніе быть первымъ не по заслугамъ и достоинствамъ. Похоже на зависть, только тамъ, «зависть», внутреннее терзаніе, а здѣсь, «рвеніе», больше внѣшнее стараніе быть впереди ради славы міра сего; «зависть» сердце иссушаетъ, а рвеніе дѣятельныя силы истомляетъ и пестоца.

*) Хотя онъ болѣе склоняется къ пониманію первому, Златоуста.

**) По-русски «распря», ссора (см. стихъ 29-й): соревнованіе — причина ссоръ, распрей.

еть», говоритъ св. Теофанъ. «Лесть» — пара съ лукавствомъ; лесть «словомъ» сладкимъ, обманомъ пріятнымъ, «направляетъ» ближняго «въ яму», а лукавство «безъ словъ, на дѣль, опутываетъ стѣями скрытно» (св. Теофанъ). «Завистию порождено убійство и зачата лесть. Ибо завистию уязвившеся Каинъ, и въ содѣяствіе употребивъ обманъ», лесть, «вывелъ брата въ поле, и отважился на убійство» (блаж. Феодоритъ; св. Иосифа и продажу его въ Египетъ). «Злоправіе» — ссрдигость, злочестъ, вѣчныя вѣшники гнѣва и брани; или — «скрытая злоба» (блаж. Теофилактъ).

«Шепотники» *) — наушники, доносчики. «Клеветники» — лгуны. «Богомерзски» — нелюбящіе Бога и, потому, нелюбимые Богомъ, — враждующіе на Бога, поносящіе Творца, злобящіеся на него. «Досадители» — бранчивые, ругатели, обидчики съ плеча, безъ удержа. «Величавы» **) — «похитители славы Божіей» (св. Теофанъ); превозносящіеся своими, имѣющимися, достоинствами, — забывающіе, что ихъ таланты — дары Божіи. «Горды»; — «твердыня золь», по Златоусту, гордость, приписываніе себѣ того, чего не имѣешь, сѣбсь, чванство, «напрасное надыманіе» (блаж. Феодоритъ). «Согрѣшить и думать о себѣ много, хуже самаго грѣха» (св. Златоустъ). Величавость и гордость похожи другъ на друга. «Величавость есть презрѣніе Бога, а гордость есть презрѣніе людей» (блаж. Теофилактъ); человекъ величавый забываетъ, что Богъ Источникъ всѣхъ его талантовъ, а человекъ гордый даруетъ себѣ то, чего онъ больше, чѣмъ другіе, не имѣетъ (презрѣніе къ человеку). «Обрѣтатели злыхъ» — коноводы на злое, выдумывающіе грѣхи, пути злые, — изобрѣтатели новаго и новаго зла. «Родителямъ непокоривы» — невнимательны къ внушеніямъ тѣхъ, коимъ сама природа повелѣла повиноваться. «Перазум-

*) По-русски «злорѣчивы» (см. стихъ 30): наушники всегда говорятъ рѣчи злыя.

**) По-русски «самохвалы» (см. стихъ 30-й): величавость — хваленіе себя, а не Бога.

ны» — не знают истины, безсовѣстны, блуждаютъ во лжи. «Непримирительны» *) — не любятъ жить въ мирѣ и согласіи, вздорные, задорные; люди «имѣютъ врожденное расположеніе къ общенію другъ съ другомъ, свойственное даже звѣрямъ», а «язычники... свирѣиѣе звѣрей», — говоритъ св. Златоустъ. «Нелюбовны» — не любятъ людей, ни родителей, ни друзей, — никого. «Неклятвохранительны» — ἄβποῦδοι — непримиримы, злопамятны (по-русски и переведено такъ, см. стихъ 31-й); или тоже, что «вѣроломны», не хранятъ договоровъ. Епископъ Теофанъ предпочитаетъ толкованіе первое. «Немилостивны», — несострадательны, глухи къ горю другаго; язычники «подражаютъ въ жестокости звѣрямъ» (блаж. Теодоритъ)....

Ст. 32. Нѣцци же и оправданіе Божіе разумѣюще, яко таковая творящія достойны смерти суть, не точію сами творятъ, но и соизволяютъ творящимъ.

32. Они знаютъ праведный судъ Божій, что дѣлающіе такіа дѣла достойны смерти; однако не только ихъ дѣлаютъ, но и дѣлающихъ одобряютъ.

«Нѣцци» не значить здѣсь «нѣкоторые», а значить «они», всѣ язычники. Язычники, — говоритъ Ап. Павелъ, — «знали» добро, «но не дѣлали» добра (еп. Теофанъ); значить, они безотвѣтны и въ своей «неправдѣ», какъ они безотвѣтны въ своемъ «нечестіи». «Преступленія» язычниковъ — преступленія «намѣренныя, а не грѣха невѣденія, ... не грѣхи... нечаянныя», но грѣхи сознательные, неизвинительные (св. Златоустъ). «Вѣра въ судъ и воздаяніе по смерти обща всѣмъ народамъ земли», и «язычники знали, что дѣлающимъ злыя дѣла «не избѣжать праведнаго воздаянія. Это отнимаетъ у нихъ всякое извиненіе» (еп. Теофанъ). Совѣсть никогда вполнѣ не умолкаетъ; она взывала къ языщикамъ, а тѣ не слушали гласа добраго: они — безотвѣтны!..

Язычники знали, что тѣ, кои творятъ дѣла злыя, «достойны смерти», смерти и естественной (таковыя недостойны

*) По-русски «вѣроломны» (см. стихъ 31-й): нелюбящіе мира не хранятъ обѣтовъ, договоровъ, своихъ собственныхъ словъ.

жить!), и, — главное, — смерти вѣчной, жизни адской; не смотря на это, они не только сами грѣшили, но и другихъ грѣшить соблазняли, одобряли. Здѣсь св. Павелъ открываетъ самую глубину грѣха; онъ, какъ знатокъ сердца человѣческаго, здѣсь указываетъ глубочайшую степень паденія: другаго во грѣхъ вовлечь. (А. Ивановъ). «Одобрять грѣхъ гораздо хуже чѣмъ самому грѣшить»: это — «самый тяжкій и неизвѣстный грѣхъ» (св. Златоустъ). Кто своею волею самъ впадетъ «въ тину, и другаго туда же заведетъ», тотъ «дважды виновникъ, и за себя и за другаго» (св. Теофанъ); «хвалить», одобрять, подзадоривать, «грѣшницъ большого достойно наказанія, чѣмъ грѣшить только самому». Кто грѣшитъ, но грѣхъ не одобряетъ, тотъ легко можетъ покаяться, исправиться; кто грѣшитъ и хвалитъ худую жизнь, тотъ «самъ себя лишаетъ пособія къ покаянію», мысли о томъ, что грѣхъ — зло. Одобреніе грѣха — «знакъ крайняго развращенія сердца и ума»; «кто хвалитъ грѣхъ грѣшащаго», тотъ наиболѣе «беззаконующій» (Св. Исидоръ; см. св. Теофана). Язычники «мало того, что не почитаютъ достаточнымъ дѣлать» злое, «но еще соплетаютъ похвалы дѣлающимъ подобное сему. А это крайній предѣлъ развращенія» (блж. Теодоритъ)....

И такъ, язычники и невѣрны Богу, и неправедны предъ Богомъ; они и вѣру потеряли, и правую жизнь бросили; все это сознательно, при всей возможности, способности, знать Бога и жить свято: они безответны!... «Ничто, ничто такъ не пагубно для человѣка, какъ сняться съ... якоря» страха Божія;.. «ничто такъ не спасительно, какъ всегда держаться на ономъ» (св. Златоустъ)!...

Съ 1-го стиха 2-й главы Ап. Павелъ, по нѣкоторымъ, продолжаетъ свою рѣчь или къ язычникамъ вообще, или къ народнымъ римскимъ правителямъ въ частности (св. Златоустъ, Амвросій Медиоланскій, св. Теофанъ и др.); по другимъ (Блж.

Августинъ, еп. Никаноръ, о. Херасковъ, А. Ивановъ и др.), съ 1-го стиха 2-й главы Апостоль обращаетъ свою рѣчь къ Іудеямъ.

Намъ думается, что всего естественнѣе и правильнѣе толкованіе Амвросія Медиоланскаго; онъ говоритъ, что здѣсь, въ ст. 1—16-мъ 2 главы, св. Павелъ отвѣчаетъ на возраженіе тѣхъ язычниковъ, кои сами грѣшили, но другихъ грѣшащихъ не одобряли, а напротивъ порицали (см. стихъ 32-й первой главы, кон.). «И тебѣ не легче!» говоритъ таковому Апостоль, «судя (осуждая, порицая) другаго» грѣшащаго, «себя осуждаешь» (св. Теофанъ). Стихи 1—16-й — переходъ къ обличенію іудеевъ; многіе язычники, будучи сами грѣшниками, своихъ грѣховъ не замѣчали, а иныхъ грѣшащихъ порицали; это, въ то же время, отличительная черта іудеевъ, себя превозносящихъ выше неба, иныхъ низвергающихъ ниже земли. Со стиха 17-го прямая рѣчь къ Іудеямъ.

Архимандритъ Никонъ,

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чудо св. Феодосія Черниговскаго.

Въ воропежскомъ «Донѣ» напечатано слѣдующее письмо въ редакцію:

Не могу умолчать о совершившемся буквально чудѣ въ моей семьѣ. Узнавъ этотъ фактъ, надо надѣяться, что можетъ быть многія лица, скеитически относящіяся къ религіи, измѣнятъ свой взглядъ и, возгласивъ, какъ отецъ бѣсоватаго: «Вѣрю, Господи! помоги моему невѣрію» (Евр. Матѣ. гл. IX, 23), станутъ вѣрующими.

26-го ноября 1899 г. второй сынъ мой Константинъ почувствовалъ сильную головную боль и боль лѣвой ноги: температура была 39,9 и мальчикъ слегъ въ постель. Боль ноги все усиливалась и усиливалась. Приглашенный врачъ, сопоставляя всѣ явившіеся симптомы болѣзни, не рѣшился ее опредѣлить, хотя и далъ предварительныя лекарства. Но у мальчика съ каждымъ днемъ

боль ноги все усиливалась и вотъ 1-го декабря, вечеромъ, при температурѣ 38,8, дошла до своего апогея: нога лишена была движенія и мальчикъ (очень терпѣливый) буквально кричалъ отъ мучительной боли. Я только что вернулся домой и былъ свидѣтелемъ ужасныхъ страданій сына. Немедленно обратился я по телефону къ врачу, прося его о консиліумѣ. Тѣмъ временемъ жена моя, долго и усердно молившаяся предъ образами, между которыми былъ и ликъ св. Феодосія Черниговскаго, взяла имѣющійся у насъ кусокъ одежды этого Святителя, подошла къ сыну, помолилась съ нимъ вмѣстѣ Святителю и положила часть священной одежды ему подъ подушку.

Не успѣла она выйти въ другую комнату, какъ раздался радостный зовъ сына: «Мама, мама! У меня нога больше не болитъ, — дѣйствуетъ.»

Я, пришедши въ комнату, былъ тоже обрадованъ возгласомъ сына; «Папа, у меня нога сейчасъ сразу прошла: мама положила одежду святителя Феодосія, мы помолились вмѣстѣ и боль прошла!»

По измѣреніи температуры, она понизилась до 37,9. Такой случай не долженъ оставаться сокрытымъ, ибо въ немъ ясно сказывается Провидѣніе Божіе.

Примите увѣреніе въ почтеніи Владимиръ Ивановичъ *Лихачевъ*,
7 декабря 1899 г.

«Новое Время» № 8550. 1899 г.

Благоговѣніе къ святымъ.

Поспѣшность, торопливость нигдѣ не похвальна, потому что, какъ говорится, «поспѣшишь, людей насмѣшишь»; но въ храмѣ Божіемъ она прямо предосудительна, потому что унижаетъ, оскорбляетъ святыню Господню. Особенно эта предосудительная поспѣшность высказывается православными въ праздникъ Богоявленія при почерпаніи св. воды и въ день Торжественнаго входа Господня въ Іерусалимъ, при принятіи освященныхъ вербъ.

Въ нетерпѣливостѣ движеніи всѣхъ или многихъ къ одному мѣсту и одной цѣли нельзя не признавать внутренняго горенія духа, которое составляетъ прекрасное свойство христіанскаго по-

веденія, похваляемое самимъ Богомъ (Рим. 12, 11; Апок. 3, 15—16). Но это прекрасное свойство, къ прискорбію, затмѣвается и ослабляется у православныхъ нѣкоторыми неблаговидными внѣшними дѣйствіями, допускаемыми ими въ извѣстные дни и минуты изъ горячаго желанія скорѣе другихъ принять или прикоснуться къ святынь. Такія неблаговидныя дѣйствія происходятъ у насъ при цѣлованіи св. Евангелія, иконы, креста, мощей, при принятіи помазанія освященнымъ елеомъ, антидора и даже св. Таинъ. Здѣсь бываетъ толканіе, стѣсненіе, взаимное негодованіе, смущеніе и общій неурядокъ,—и когда же?—при богослуженіи, въ дни и минуты, въ кои мы особенно должны держать себя благоговѣнно, чтобы удостоиться принять благодать освященія и благословенія. А въ великіе праздники Богоявленія и Торжественнаго входа Господня въ Іерусалимъ и того бываетъ хуже: при множествѣ тѣснящагося народа, св. вода проливается на полъ и цопирается ногами; освященная верба съ трескомъ ломается и роняется подъ ноги. Все это свидѣтельствуетъ о недостаткѣ у православныхъ благоговѣнія къ святынь.

Благоговѣніе состоитъ не въ одномъ только внутреннемъ и сердечномъ уваженіи къ святынь, но и въ наружной благопристойной почтительности къ ней въ предѣлахъ установленнаго порядка. «Кто изъ васъ уменъ, говоритъ Слово Божіе, тотъ докажи это на самомъ дѣлѣ добрымъ поведеніемъ, въ кротости и мудрости» (Іак. 3, 13). Такъ, кто благоговѣенъ, тотъ пусть являетъ святое настроеніе духа своимъ наружнымъ кроткимъ взоромъ и достойнымъ поведеніемъ.

По суду Слова Божія, *нѣтъ нестроенія Богъ, но мира* (1 Кор. 14, 33). Посему горячность нашего желанія какъ можно скорѣе принять святыню или прикоснуться къ ней должна обнаруживаться въ строгой благоговѣнной тишинѣ и порядкѣ, установленномъ и хранимомъ Православною Церковію. Апостоль Павель говоритъ: *и души пророковъ повируются пророкомъ* (1 Кор. 14, 32), —и мы обязаны управлять своимъ внутреннимъ расположеніемъ, строго подчинять его требованіямъ и правиламъ закона и никакъ не простирать даже до малѣйшаго неблагочинія, дабы ревность наша, какъ говоритъ Апостоль, *не была не по разуму*, т. е. безразсудна (1 Кор. 10, 1). Такъ, по суду Слова Божія, наше несдержанное, неумѣренное рвеніе къ святынь, соединенное съ нарушеніемъ тишины и порядка, безразсудно. Въ немъ, кромѣ внѣшней неблагопристойности и видимаго униженія святыни, кроется

или неразумное *маловѣріе*, какъ будто прежде почерпнутая освященная вода и прежде взятая вѣтви освященной вербы и прочее, скорѣе другихъ принятое и схваченное, святѣе и благодатнѣе, нежели то, что берется послѣ; или, можетъ быть, *опасеніе*, что если не поспѣшатъ, то лишатся. Но опытъ показываетъ противное; едва ли можно указать, чтобы кто-нибудь изъ собратій остался неудовлетвореннымъ по своей медлительности. Если при непорядочномъ движеніи никто не бываетъ лишенъ желаемого, тѣмъ болѣе каждый можетъ быть удовлетворенъ при спокойномъ и благоговѣйномъ принятіи освященнаго дара. Недостатка въ немъ нельзя иначе предположить, какъ только при неумѣнн цѣнить по надлежащему то, за чемъ приходятъ,—когда, напримеръ, спѣшатъ за освященною водою съ тѣми же сосудами, съ какими ходятъ на рѣки или къ колодцамъ за водою обыкновенною, и нерѣдко проливаютъ на полъ храма болѣе того, нежели сколько уносятъ съ собою домой. Если же кто, при всемъ своемъ желаніи, дѣйствительно не получитъ желаемого, у того и одно внутреннее расположе- ніе и намѣреніе Богъ пріемлетъ. Готовность Авраама принести Исаака въ жертву Богъ принялъ за дѣйствительную жертву. Напротивъ, «неразсудительное рвеніе удаляетъ отъ насъ благодать святыни: мы пріобрѣтаемъ предметъ, а теряемъ самое важнѣйшее въ немъ.» Для усвоенія его во всей полнотѣ необходимо благоговѣйное принятіе освященнаго дара, по чину Церкви. Нѣкогда Саулъ поторопился принести жертву Богу; *не удержишься и вознесошь всесожженіе*, говорилъ онъ въ оправданіе свое пророку Самуилу. Но пророкъ осудилъ его и сказалъ: *безуміе бысть тебѣ, понеже не сохранилъ еси заповѣди, юже заповѣда ти Господь, и нынѣ царство твое не станетъ* (Цар. 13, 13—14). *Послушаніе намѣ жертвы* (15, 22). Апостоль Павелъ нарушающимъ порядокъ церковный говоритъ: *не хвалю васъ; вы собираетесь не на лучшее, а на худшее.* Вы собираетесь вмѣстѣ такъ, что это не значитъ вкушать вечерю Господню. Ибо при вечери всякій прежде другихъ поспѣшаетъ брать свою пищу (1 Кор. 11, 17, 20, 21). Эту поспѣшность Апостоль называетъ пренебреженіемъ Церкви Божіей (1 Кор. 11, 22), подвергающимъ неблагоговѣйныхъ суду Божію (ст. 29 и 34). Какъ Саулъ отъ поспѣшнаго принесенія жертвы лишился Божія благоволенія, и жертва, принесенная имъ не по заповѣди, утратила для него свою благодатную силу, и какъ поспѣшность древнихъ христіанъ брать прежде другихъ свою часть на вечери Господней дѣлала ихъ повинными предъ Богомъ, такъ

святыня, немирно и неблагоговѣно нами принимаемая, утрачиваетъ свое освящающее дѣйствіе и служитъ къ нашему осужденію.

Неблагоговѣіе, какъ явное нарушеніе апостольскаго правила: *вся благообразно и по чину да бывають* (1 Кор. 14, 40) очень оскорбительно для чувства и взора православныхъ, которые хорошо знаютъ и понимаютъ внушаемое Апостоломъ гореніе духа, но по неразумію пѣкоторыхъ, производящее общій непорядокъ. Что же думаютъ иновѣрцы и сектанты, особенно неблагонамѣренныя, которые жаждутъ замѣтить, увеличить и разгласить всякій *сучецъ* въ очахъ нашихъ? Наше мѣстное и временное уклоненіе отъ порядка они приписываютъ всей Церкви, и такимъ образомъ чрезъ насъ, православныхъ чадъ ея, падаетъ нареканіе на божественную красоту ея святѣйнаго богослуженія, какой не имѣетъ въ своемъ богослуженіи ни одно христіанское общество.

Если православныя дорожатъ святынею такъ, что для принятія ея иногда, по неразумію своему, выходятъ изъ предѣловъ благоприличія, то это самое не есть ли вѣрная надежда легко вразумить и умѣрить православныхъ, ревнующихъ неразумно, благовременнымъ напоминаніемъ имъ, какъ должны они принимать воду, вербу и каждый освященный предметъ? Православныя высоко цѣнятъ освященный даръ; безъ сомнѣнія, подорожатъ имъ, когда услышатъ изъ устъ пастырей, что благодать дара передается только тогда, когда онъ пріемлется съ благоговѣніемъ, подобающимъ святымъ и святому мѣсту; когда уразумѣютъ и поймутъ, какъ тяжокъ безпорядокъ, производимый ими предъ лицомъ Божіимъ и обществомъ изъ неразумной ревности скорѣе удовлетворить своимъ желаніямъ.

Православныя умѣютъ съ благоговѣніемъ хранить святыню у себя дома, въ самыхъ почетныхъ мѣстахъ жилищъ своихъ, вблизи св. иконъ и креста Христова, употреблять ее въ важныхъ случаяхъ во исцѣленіе душъ и тѣлесъ, въ освященіе себя и своей собственности. Тѣмъ болѣе, при внушеніи и растолкованіи имъ, они будутъ чтить святыню среди многочисленнаго собранія молящихся, гдѣ невидимо присутствуетъ самъ Господь (Мѡ. 28, 19) и, безъ сомнѣнія, только тогда, когда мы предстоимъ въ благоговѣйной тишинѣ

Самою дѣйствительною мѣрою для внушенія православнымъ благоговѣнія къ святынѣ надобно признать примѣръ благоговѣй

наго поведенія въ храмѣ самихъ священно-церковнослужителей, особенно пастырей, которые, священнодѣйствуя, становятся посредниками между Богомъ и людьми.

Но при воздѣйствіи на православныхъ словомъ и примѣромъ, необходимы и чисто внѣшнія мѣры для соблюденія порядка и тишины въ храмѣ. Наиболее целесообразною въ этомъ отношеніи мѣрою слѣдуетъ признать наблюденіе со стороны церковнаго старосты и его помощниковъ, избранныхъ почтенныхъ людей. Въ особыхъ же случаяхъ, какъ, на примѣръ, въ праздникъ Богоявленія при почерпаніи св. воды и въ день Торжественнаго входа Господня въ Иерусалимъ при принятіи освященныхъ вербъ, могутъ быть приглашаемы къ содѣйствію также братчики, не говоря уже о мѣстной полиціи, которая закономъ обязана строго охранять миръ и тишину въ храмѣ.

Да приложатъ все свое стараніе пастыри Церкви Православной, чтобы прихожане сдерживали, умирли во имя Божіе свой благочестивый пламень, не простирали его во вѣдь до неприличія и нарушенія порядка, заповѣданнаго Богомъ и хранимаго Церковію, и не навлекали своимъ усиліемъ протѣсниться къ святыцѣ прежде другихъ нареканія на святую Церковь со стороны иновѣрцевъ и сектантовъ!

Въ приближающихся Мнѣ освящуся и во истѣмъ сонмѣ прославлюся,—говоритъ Господь (Лев. 10, 3). Да будетъ же наше къ Нему и святыцѣ Его приближеніе не хулою, а славою Ему всегда и вездѣ!

«Курск. Вѣд. Вѣд.»

Редакторъ, Преподаватель Семинаріи П. Верещинскій.

Благовѣщенскъ. Печатать разрѣшается, 1900 г. февраля 28 дни.

Вр. И. д. Цензора, Преподаватель Семинаріи А. Поповъ.

Типографія т-ва Д. О. Мокитъ и Ко. Зейская—148.